

2. *Markov V. The longer poems of Velimir Khlebnikov.* Berkley, 1972. Vol. LXII (Publication in modern Philology).
3. Асеев Н. Н. Зачем и кому нужна поэзия. М., 1961.
4. Минковский Г. Пространство и время. Спб., 1911.
5. Новые идеи в математике. Спб., 1913. Вып. 2, 3.
6. Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1990.
7. *Billington J. The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture.* N. Y., 1968.
8. *Markov V. Russian Futurism: A History.* Berkley, 1968.
9. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Нью-Йорк, 1978.
10. В Политехническом — «Вечер новой поэзии»: Стихи участников поэтических вечеров в Политехническом, 1917—1923; статьи; манифести; воспоминания. М., 1987.
11. Кручёных А. Декларация слова как такового. Спб., 1913.
12. Кручёных А., Хлебников В., Гуро Е. Троє. Спб., 1913.
13. Успенский П. Д. Четвертое измерение: Опыт исследования области неизмеримого. Спб., 1910.
14. Успенский П. Д. *Tertium Organum: Ключ к загадкам мира.* Спб., 1911.
15. *Henderson L. D. The Fourth Dimension and Non-Euclidean Geometry in Modern Art.* Princeton, 1983.
16. Кручёных А. Победа над Солнцем: Либретто оперы. Спб., 1914.
17. Экстер А. Новое во французской живописи // Искусство. 1912. № 1—2. С. 34—44.
18. Ларионов М. Ф. Лучизм М., 1913.
19. *Jleizes A., Metzinger J. Du Cubisme.* Р., 1912.
20. *Malevitch K. The Artist, Infinity, Suprematism. Unpublished Writings. 1915—1933 / Ed. T. Andersen.* Copenhaugen, 1978.
21. Малевич К. От кубизма и футуризма к супрематизму. М., 1916.
22. Лобачевский Н. И. Новые начала геометрии с полной теорией параллельных // Полн. собр. соч.: В 5 т. М.; Л., 1946—1951. Т. 2. С. 147—588.
23. *Lamac M., Padrta J. Malevitch et le suprematisme // Dépl. «Suprematisme» (Galerie Chauvelin, 25 oct.—25 dec. 1977).* Р., 1977. Р. 1—9.
24. *Crone R. Malevitch and Khlebnikov: Suprematisme Reinterpreted // Artforum.* 1978. Vol. XVIII. Р. 30—48.
25. Малевич К. От кубизма к супрематизму. Пг., 1916.
26. *Lissitzky El. Kunst und Pangeometrie.* Potsdam, 1925.
27. *Bower F. The new Scriabin: Enigmas and Answers.* N. Y., 1973.
28. *Sabaneiev L. Scriabin's Prometheus // Blue Rider Almanach / Ed. W. Kandinsky, F. Marc.* N. Y., 1974. Р. 127—140.

ПИСЬМА А. В. ВАСИЛЬЕВА Г. МИТТАГ-ЛЕФФЛЕРУ

Предлагаемые вниманию читателей письма хранятся в архиве Института Миттаг-Леффлеров Шведской Королевской академии наук в Стокгольме (фонд писем Г. Миттаг-Леффлеру, т. 101—102, конверт «Vassilief Alexander Vasilievich»). Они охватывают период с 1880-го по 1924 г. Их автор — деятель российской науки Александр Васильевич Васильев — родился 5 августа (24 июля) 1853 г. в Казани в семье известного китаеведа, академика В. П. Васильева. Его дед — астроном, ректор Казанского университета, член-корреспондент Петербургской академии наук И. М. Симонов. По окончании в 1874 г. Петербургского университета Александр Васильевич работал в Казанском университете, откуда в 1879 г. был командирован за границу для подготовки к профессорскому званию. В Берлине слушал лекции К. Вейерштрасса и Л. Кронекера, в Париже — Ш. Эрмита. Вернувшись в Казань, в 1880 г. защитил магистерскую диссертацию по теории рациональных функций, аналогичных двояко-периодическим, а затем в 1884 г. — докторскую по теории отделения корней систем алгебраических уравнений. С 1887 г. — ординарный профессор Казанского университета. А. В. Васильев — один из основателей Казанского физико-математического общества (1890) и многолетний его президент. В 1906 г. был избран членом первой Государственной думы от Казанской губернии, а в 1907-м — членом Государственного совета от Академии наук и университетов*. В Думе входил в

* Естественно предположить, что именно его политическая активность в годы, предшествовавшие 1917-му, стала причиной недостаточного внимания отечественной литературы к его творчеству. Краткую справку о нем можно найти в [1, 2], а также в статье В. А. Бажанова и А. П. Юшкевича «А. В. Васильев как ученый и общественный деятель», помещенной в [3].

левую оппозиционную группу, возглавляемую М. М. Ковалевским. С 1907 г. читал лекции в Петербургском университете и вел занятия на Высших женских курсах. Был одним из создателей и первым председателем возрожденного Петроградского математического общества (1921). С 1923 г. — профессор Московского университета. Он приобрел широкую известность благодаря своей деятельности в области математического просвещения (председатель Первого съезда преподавателей математики в Петербурге в 1912 г.); велика была его роль в международной математической жизни (вице-президент IV Международного конгресса математиков в 1908 г.).

Основные направления математических исследований Васильева — теория функций и теория отделения корней систем алгебраических уравнений. Наибольшее значение, однако, имели не его собственные результаты, а проводимая им широкая пропаганда новейших теорий и методов. Так, он одним из первых в России стал популяризировать идеи теории множеств. Опубликованная им в 1923 г. книга «Пространство, время, движение» [4] — одно из лучших в мировой литературе того времени сочинений, популяризирующих идеи теории относительности. (Ее английский перевод вышел в Великобритании с предисловием Б. Рассела.) Важную роль играли издававшиеся им совместно с П. С. Юшкевичем сборники серии «Новые идеи в математике».

А. В. Васильев был замечательным историком математики. Из наиболее важных его работ отметим очерк истории понятия «целое число» (см. [5]) и его труд по истории математики в России. Он стал первым исследователем творчества Н. И. Лобачевского. Им были подготовлены к печати геометрические сочинения Лобачевского, предпринято исследование оставшихся практически неизвестными научному миру трудов великого геометра по математическому анализу и алгебре, тщательно изучен его жизненный путь, написана первая его научная биография. За свои исторические изыскания в 1929 г. он был избран членом-корреспондентом Международной академии истории науки, став первым ее русским членом.

Адресат писем, Гёста Миттаг-Леффлер (Gosta Mittag-Leffler) (1846–1927), — крупнейший математик, существенно влиявший на международную математическую жизнь своего времени*. Он учился в университете города Уппсала, где в 1872 г. получил степень доктора философии. В 1872—1873 гг. был его доцентом, затем в качестве стипендиата этого университета слушал лекции во Франции и Германии, став ревностным учеником и последователем К. Вейерштрасса. В 1877—1881 гг. — профессор Гельсингфорского университета, а в 1881—1911 гг. — Высшей школы в Стокгольме (на протяжении многих лет — ее ректор). В 1882 г. им был организован один из лучших в истории математики журналов «Acta Mathematica». С 1919 г. и до своей кончины он был директором основанного им Института Миттаг-Леффлеров Шведской Королевской академии наук.

Его научные интересы касались в основном теории аналитических функций и теории дифференциальных уравнений. Его классические результаты по теории функций комплексного переменного можно найти в каждом университетском учебнике по этой дисциплине. Начиная с 80-х гг. XIX в. вплоть до конца 20-х гг. XX в. Миттаг-Леффлер принимал активное участие в работе международного математического сообщества. Эту сторону его жизни превосходно иллюстрирует его переписка с С. В. Ковалевской (см. [7]). А. В. Васильев называл его старейшиной (doyen) математиков Европы.

Свидетельство международного признания научных и общественных заслуг Миттаг-Леффлера — его избрание почетным доктором 6 университетов и членом 45 академий наук и математических обществ, в том числе членом-корреспондентом Парижской академии наук, членом Лондонского Королевского общества, Академии леи Линчеи и Российской академии наук.

С русской наукой Миттаг-Леффлер был связан благодаря своей дружбе с С. В. Ковалевской. В значительной мере именно с ее помощью он соприкоснулся с русским математическим сообществом. О широте его российских контактов говорит богатая коллекция писем к нему русских математиков, хранящаяся в архиве Института Миттаг-Леффлеров.

Конечно, А. В. Васильев и Г. Миттаг-Леффлер — фигуры разного масштаба. Объединяла этих двух ученых столь различного дарования глубокая преданность математике, рассматриваемой обоими и как общее интернациональное дело, служащее прогрессу человечества, и как важнейший элемент культуры каждого государства. Отсюда их активная деятельность и в собственном отечестве, и на международном уровне.

Можно предположить, что А. В. Васильев познакомился с Г. Миттаг-Леффлером на VI Съезде русских естествоиспытателей и врачей, который проходил в Петербурге с 20 по 30 декабря 1879 г. (с 1 по 11 января 1880 г. по нов. ст.). Миттаг-Леффлер принял в нем участие как профессор Гельсингфорского университета, находившегося тогда на территории Российской империи. Васильев, молодой доцент Казанского университета, и старший его на семь лет Миттаг-Леффлер, талантливейший ученик Вейерштрасса, уже успевший прославиться

* О его жизни и творчестве см. [6].

выдающимся результатом: опубликованной в 1877 г. теоремой о структуре мероморфных функций... Соответствующий этой разнице в возрасте и положении тон почтительного уважения Васильев сохранил во всех своих письмах.

Ответные письма Миттаг-Леффлеа обнаружить пока не удалось. Нет их и в бумагах Васильева, хранящихся в Научной библиотеке им. М. Горького Московского университета.

Значительное место в письмах А. В. Васильева занимают мероприятия, связанные с именем Н. И. Лобачевского: празднования 100-летнего юбилея со дня его рождения, приходившегося на 1892 г., и начатая в Москве в середине 20-х гг. подготовка к изданию его полного собрания сочинений.

Празднования юбилея Н. И. Лобачевского, проходившие в 1893 г. в Казани, стали настоящим праздником российской науки. Они привлекли к себе внимание широкой общественности. В них приняли участие крупнейшие деятели отечественной культуры. Свои приветствия прислали известнейшие ученые, научные общества, академии и университеты разных стран мира (см. [8]). Д. И. Менделеев откликнулся на эти события ставшими знаменитыми словами: «Геометрические знания составили основу всей точной науки, а самобытность геометрии Лобачевского — зарю самостоятельного развития наук в России. Посев научный взойдет для жатвы народной» (цит. по [3, с. 168]). Этими празднованиями русская наука громко заявила о себе стране и миру как о явлении мирового порядка. Организатором и душой торжества стал А. В. Васильев, возглавлявший оргкомитет. Среди мероприятий, приуроченных к юбилею, было учреждение международной премии Н. И. Лобачевского, присуждаемой раз в три года за выдающиеся достижения в области геометрии. Денежный фонд этой премии был собран по международной подписке, в которой участвовали ученые разных стран. В комитет по присуждению премии входили Дж. Сильвестр, Г. Гельмгольц, А. Кели, А. Пуанкаре, Г. Дарбу и др. Среди них был и Г. Миттаг-Леффлер. Письмо № 2 как раз и является приглашением ему войти в состав этого комитета. Первым лауреатом этой премии стал С. Ли (1896). Ее лауреатами были Б. Киллинг, Д. Гильберт, Ф. Шур, Г. Вейль, Э. Картан и советский геометр В. В. Вагнер.

В 1926 г. исполнялось 100 лет со дня создания неевклидовой геометрии. В преддверии юбилея в середине 20-х гг. в Москве под руководством Д. Ф. Егорова началась работа над изданием полного собрания сочинений Лобачевского. К этой работе в качестве члена редакционного комитета был привлечен А. В. Васильев. Секретарем комитета стал В. Ф. Каган. Эти три лица и подписали письмо № 10, в котором выражается благодарность Г. Миттаг-Леффлеру за согласие войти в состав этого комитета. К сожалению, это предприятие осуществить не удалось. Собрание сочинений Н. И. Лобачевского в пяти томах под редакцией В. Ф. Кагана вышло лишь в 1946—1951 гг.

Вторая тема писем Васильева Миттаг-Леффлеру, впрочем связанная с первой, — международное сотрудничество математиков, в частности, организация VI Международного математического конгресса, подготовка к которому затянулась из-за первой мировой войны. Конгресс предполагалось провести в 1916 г. в Стокгольме, однако собрать его даже в послевоенные годы оказалось делом далеко не простым. Война обострила националистические чувства. Шовинистически настроенные победители-французы не желали допускать на конгресс побежденных немцев. Конгресс без представителей ведущей (наряду с Францией) математической школы в глазах здравомыслящих ученых был очевидной бессмыслицей. Это продемонстрировал созванный в 1920 г. в Страсбурге конгресс математиков, на который не были приглашены немецкие ученые. Многие математики не пожелали в нем участвовать, протестуя против действий французских коллег. Об «особой» позиции французов Васильев говорит в письме № 11, отмечая нежелание Э. Пикара даже ответить на предложение войти в состав редакционного комитета по изданию собрания сочинений Лобачевского. Васильев как один из инициативных членов международного математического сообщества обеспокоен этим обстоятельством. «Что меня очень волнует, — пишет он в декабре 1920 г. (письмо № 7) из голодного Петрограда, — так это дела, связанные с международным математическим конгрессом. Но так как они направляемы Вашим умом и Вашей энергией, то ученые, заинтересованные в этом предприятии международной солидарности, могут быть спокойны. Это будет действительно сияющий и счастливый день, когда после изоляции и страданий последних лет мы сможем собраться вместе в Стокгольме, в стенах Вашего института, и сердечно пожать друг другу руки, забыв все то, что нас разделяло». И опять в письме № 8 от 2 апреля 1921 г.: «Вопрос о международных конгрессах чрезвычайно интересует меня. <...> Я полагаю, что, может быть, следовало бы собрать 5-й (Васильев ошибается: 6-й. — С. Д., Т. Т.) конгресс в Стокгольме в 1922 (к столетию Эрмита) или в 1923 году (к столетию Кронекера). Тогда конгресс в Нью-Йорке в 1924 году мог бы стать для всех 6-м (7-м. — С. Д., Т. Т.) конгрессом». Из этих слов видно, что идея проведения конгресса вне Европы активно обсуждалась уже в 1921 г. Вероятно, это было бы самым разумным выходом из создавшегося положения: Америка для вчерашних врагов могла бы стать «примиряющей» территорией. Однако организация конгресса в Новом Свете оказалась задачей сложной. Провести его удалось лишь в августе 1924 г. в Торонто благодаря усилиям многих математиков, и в первую очередь, конечно, канадского профессора Дж. Филдса. Публикуемые письма свидетельствуют о том, что подго-

товкой к этому конгрессу занимался и А. В. Васильев; судя по всему он говорил на эту тему с Б. Расселом во время его пребывания в Петрограде в мае 1920 г. Как мы узнаем из письма № 9 от 22 февраля 1924 г., в написанном незадолго до этого письме к Расселу он убеждал его во время предполагавшегося визита Рассела в Америку «обсудить... вопрос (о возобновлении международных конгрессов. — С. Д., Т. Т.) с американскими учеными. Этот вопрос мог бы быть решен на конгрессе Британской ассоциации, который собирается в августе этого года в Торонто». «Но, конечно, — заканчивает свое письмо Васильев, — раньше Вы, старейшина математиков Европы, должны высказать свое влиятельное мнение».

Конгресс в Торонто знаменовал собой восстановление нормального хода международной математической жизни. С этим конгрессом связано учреждение самой престижной премии в области математики — так называемой медали Филдса.

Письма Васильева — свидетельство того тяжелого положения, в котором оказалась отечественная наука в послереволюционные годы. Разумеется, Васильев в своих письмах предельно сдержан. Не доверяет он даже тем письмам, которые передает с оказией: через шведское посольство, через коллегу по первой Думе или через некоего эстонца. Отправляя в 1920 г. одно из таких писем с ехавшим в Швецию академиком Ф. И. Щербатским, он считает, что более точную информацию о положении в России, стране, «до сих пор совершенню изолированной и, следовательно, совсем непонятной и неизвестной Западу» (письмо № 7), лучше получить из личных бесед с осведомленными людьми, такими, как Щербатский. Но даже столь осторожные письма Васильева оставляют тягостное впечатление.

15 июня 1920 г. он пишет (письмо № 6): «Вы можете хорошо представить себе, что не только научная изоляция делает в последние годы жизнь профессора, русского ученого суровой, почти невыносимой. Таково было прошлое, будущая зима обещает быть еще более пагубной».

В грустные тона окрашены строки и последнего из дошедших до нас писем А. В. Васильева Г. Миттаг-Леффлеру (письмо № 11), написанного 7 апреля 1924 г. Говоря о том, что «все математики должны внести свой вклад в развитие Вашего института (Института Миттаг-Леффлеров. — С. Д., Т. Т.), который будет, несомненно, играть большую роль в развитии нашей науки», Васильев вспоминает, что перед войной и революцией он «мечтал и даже имел твердое намерение отослать» Миттаг-Леффлеру все имеющиеся у него «книги на русском языке, написанные русскими учеными». Далее он пишет: «Вспыхнула революция, почти голод, и я был вынужден прощать целиком всю свою библиотеку правительству. В противном случае она была бы реквизирована. Теперь она в Екатеринбурге». Не следует ли нам сегодня поискать ее следы, тем более что «ценные рукописи, копии лекций Кронекера лежат там без читателя! И ниже: «Столько прекрасных воспоминаний моей жизни связано с 1879—1884 годами. Я снова вспоминаю виденную мной в Париже у госпожи Ковалевской корректуру статьи Пуанкаре для первой тетради "Acta", принесенную им самим. Сколько изменений с тех пор!»

Да, все кругом тогда изменилось. И перемены эти тяжело оказывались на старом, больном профессоре. Но, несмотря ни на что, истинный труженик науки продолжал работать. Он писал труд по истории российской математики, очерк истории понятия «целое число», наконец, готовил научную биографию Н. И. Лобачевского, которая так и не увидела свет при его жизни, завершившейся 6 ноября 1929 г. в Москве. Издана она лишь в этом году — к 200-летию со дня рождения великого геометра (см. [3]).

Все публикуемые письма написаны на французском языке, за исключением письма № 10, написанного по-немецки. Перевод писем выполнен С. С. Демидовым.

Публикаторы приносят глубокую благодарность сотрудникам Института Миттаг-Леффлеров Шведской Королевской академии наук за предоставление возможности работать с письмами А. В. Васильева.

С. С. Демидов, Т. Н. Токарева

1¹

Казань. 25 марта 1880.
Мой адрес: Казань, университет,
приват-доценту Васильеву.

Глубокоуважаемый господин!

Спешу напомнить Вам о коллеге, который проявляет самый глубокий интерес к Вашим замечательным исследованиям и который будет чрезвычайно польщен и признателен, если Вы отыщете минутку, чтобы черкнуть ему несколько слов.

Я с нетерпением жду лета, чтобы отправиться в Санкт-Петербург и за гра-

ницу. Во всяком случае, позвольте мне разыскать Вас в Гельсингфорсе или за границей, если Вы туда тоже поедете².

Я занят сейчас подготовкой к печати маленького очерка по вопросу об алгебраических интегралах линейных дифференциальных уравнений 2-го порядка³. По окончании я намерен изучать вообще теорию линейных дифференциальных уравнений с точки зрения теории функций и возвратиться к другому вопросу, который, как я понял из «Jahrbuch über die Fortschritte», заинтересовал Вас также, — к отделению корней⁴. Так или иначе, я испытываю очень большое желание содействовать распространению Ваших работ в моем отечестве и думаю, что Вы поможете мне в этом присылкой Ваших трудов, которые Вы мне обещали. Вы меня бесконечно обяжете, господин Миттаг-Леффлер, если Вы сделаете это!

Довольны ли Вы своей поездкой в Берлин и Париж?⁵ Я с нетерпением жду «Comptes Rendus», так как надеюсь найти там Ваши статьи⁶. Мне пишут из Берлина, что господин Вейерштрасс заболел и что он, вероятно, не будет читать летом свой курс⁶. Удалось ли госпоже Ковалевской осуществить свое намерение уехать поработать за границу?⁷ Я полагаю, что Вы получили издание Mathematischer Verein. «Einige auf die Theorie der analytischen Functionen der mehrer. Verand. Satze von Weierstrass»⁸. Во всяком случае, я напишу одному из моих берлинских друзей, господину (имя неразборчиво. — С. Д., Т. Т.), чтобы он послал Вам его в ближайшее время. Если Вам будет нетрудно, пришлите ему одну из Ваших работ — он будет в восторге (Weissenburger, 18). Как только моя работа будет опубликована, я Вам ее вышлю⁹. Мы организуем маленькое Казанское математическое общество¹⁰, благодаря которому облегчится печатание математических трудов. Одна из моих первых работ, представленных обществу, — перевод и разъяснение Вашей прекрасной теоремы¹¹. Когда появится Ваша статья «Arithmetische Darstellung»?¹²

Глубоко преданный Вам

А. Васильев.

2¹³

**ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО**
при
ИМПЕРАТОРСКОМ
КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
7 апреля 1893 г.

№ 481

г. Казань

Глубокоуважаемый господин и дорогой коллега!

Казанское физико-математическое общество приняло решение достойно отметить столетие со дня рождения знаменитого русского геометра Н. И. Лобачевского.

Знаменитые геометры Европы, труды которых способствовали славе нашего соотечественника, пожелали и далее содействовать его прославлению, приняв участие в комитете, цель которого — формирование при Казанском физико-математическом обществе капитала (фонда. — С. Д., Т. Т.) Н. И. Лобачевского¹⁴. Среди этих ученых — господа Сильвестр, Гельмгольц, Кели, Пуанкаре, Дарбу и другие. Но наш список содержал бы досадный, с нашей точки зрения, пробел, если бы в нем отсутствовало Ваше имя. Вы столько сделали для нашей науки Вашиими замечательными работами, Вашей неиссякаемой энергией, которую Вы показали при редактировании Вашего великолепного журнала¹⁵; Вы всегда проявляли уважение к русской математической науке; Вы связаны с ней памятью о нашей незабвенной госпоже Ковалевской¹⁶. Не соблаговолили бы Вы, глубокоуважаемый господин, дать

согласие войти в комитет Лобачевского в качестве его почетного члена и содействовать, насколько позволит Ваше время, успеху нашего предприятия.

Примите мои заверения в чувстве самого глубокого почтения.

Преданный Вам

А. Васильев.

Р. S. Окончательная дата формирования списка членов комитета — 15 мая¹⁷.

3¹⁸

Глубокоуважаемый господин и высокочтимый профессор!

Имею честь передать Вам почтительную благодарность Физико-математического общества за Ваше согласие войти в качестве почетного члена в состав комитета Лобачевского. Несколько дней назад я отоспал Вам несколько экземпляров циркуляра комитета и прошу Вас, оставив один из них себе на память, распространить прочие.

Позвольте выразить Вам, глубокоуважаемый господин, мои чувства преданности и почтения.

А. Васильев.

Казань. 15 июня [18]93.

4¹⁹

А. ВАСИЛЬЕВ

**Профессор университета
КАЗАНЬ**

5 сентября 1897.

Глубокоуважаемый господин и высокочтимый коллега!

Возвратившись в Казань²⁰, я поспешил отправить Вам, согласно Вашему желанию, почитаемому мной, мою речь о Вейерштрассе²¹, написанную в 1885 году, которая, как полагаю, позволила сделать имя нашего знаменитого мэтра более известным в России, чем было до этого. Так как Вы хотите писать работу о Вейерштрассе, я думаю, что Вам может показаться интересной маленькая статья о Лобачевском, где я показываю, что он уже обладал идеей о непрерывной, но недифференцируемой функции²². Я позволю себе ее присовокупить.

Выражая весьма искреннее удовлетворение возобновлением наших отношений в прекрасные дни, проведенные в Цюрихе²⁰, и прошу Вас, высокочтимый коллега, принять мои заверения в чувстве самого глубокого почтения.

А. Васильев.

5²³

А. ВАСИЛЬЕВ

**Профессор университета
КАЗАНЬ**

5 января 1899.

Высокочтимый профессор!

Прибыв несколько дней тому назад сюда, в Меран²⁴, чтобы провести здесь мои зимние вакации, я поспешил отправить Вам медаль Лобачевского²⁵, которую Казанское физико-математическое общество просит принять Вас в знак признательности за Ваше участие в работе комитета Лобачевского.

К этому я присоединяю свои новогодние поздравления. Надеюсь, что после нашей последней встречи в Цюрихе²⁶ Вы чувствуете себя превосходно, и прошу Вас принять мои заверения в чувстве глубокого уважения и искренней преданности.

А. Васильев.

(Meran — Villa Giovannini)

6²⁷

А. ВАСИЛЬЕВ
профессор

Петроград. 15 июня 1920.

Васильевский остров, университет,
 химическая лаборатория, комн. 34.

Высокочтимый коллега!

Я счастлив, что представилась наконец возможность отправить Вам после четырехлетнего молчания письмо. Вы писали мне 13 июля 1916 года, я ответил Вам через посредство шведского посольства. Этой весной некоторое время я пытал надежду приехать в Стокгольм, чтобы повидать Вас, познакомиться с математической литературой последних лет и получить сведения о Ваших планах относительно проведения в Стокгольме международного конгресса²⁸. Теперь я потерял всякую надежду совершил это путешествие, и мне остаются только удовольствие писать Вам и вера в то, что Вы найдете возможность сообщить мне новости о себе, о наших общих друзьях и коллегах, а также о своих планах, касающихся конгресса и замечательного предприятия — создания математического института в Стокгольме²⁹. Вот уже шесть лет, как Россия практически изолирована в научном отношении. Но месяц тому назад я имел удовольствие видеть здесь господина Б. Рассела, который приехал в качестве члена английской делегации; надеюсь увидеть его еще раз, когда он вернется из Москвы³⁰. Говорят также о прибытии сюда в скором времени профессора Эйнштейна³¹.

Вы можете хорошо представить себе, что не только научная изоляция делает в последние годы жизнь профессора, русского ученого суповой, почти невыносимой. Таково было прошлое, будущая зима обещает быть еще более пагубной. Но, *si fata sinant*³², я сделаю все возможное, чтобы приехать поработать в Стокгольм и среди прочего перевести очерк истории теории чисел, который я опубликовал по-русски³³ и который я попытаюсь Вам доставить. Может быть, в 1921 году состоится конгресс в Стокгольме? Пока же я прошу Вас передать мой привет господу Миттаг-Леффлеру, господину Фрагмену³⁴, господину Энестрёму³⁵ и другим коллегам и принять мои заверения в чувстве глубокого уважения от преданного Вам

А. Васильева.

Если Вы (далее неразборчиво. — С. Д., Т. Т.) господину (имя неразборчиво. — С. Д., Т. Т.), моему коллеге по первой Думе, он не откажется переслать Ваше письмо в Петроград.

7³⁶

А. ВАСИЛЬЕВ
профессор

Петроград. 1 декабря 1920.

Прошу Вас напомнить обо мне нашим коллегам в Швеции и других странах и заверить их в моем уважении и солидарности³⁷.

Высокочтимый коллега!

Каждый раз, когда возникает оказия переслать Вам письмо, я стараюсь ею воспользоваться. В сентябре я отправил письмо с одним эстонцем³⁸. Не знаю, дошло ли оно. Сейчас мой коллега по университету, член Петроградской академии, наш знаменитый ориенталист господин Щербатский³⁹ едет в Стокгольм, он обещал мне увидеться с Вами лично. Уверен, что его визит, визит человека осведомленного, приехавшего из страны, до сих пор совершенно изолированной и, следовательно, совсем непонятной и неизвестной Западу, окажется для Вас интересным. Мне же представляется возможность с большим удовольствием засвидетельствовать свое почтение Вам и господу Миттаг-Леффлеру.

До сих пор до меня почти не доходят новости о научном мире. Несколько печальных известий (о смерти Г. Кантора (?)⁴⁰, Дедекинда⁴¹), книга Г. Вейля по теории относительности⁴², две или три тетради «Бюллетеня» Дарбу⁴³ за 1917 год — вот почти и всё. Что меня очень волнует, так это дела, связанные с международным математическим конгрессом. Но так как они направляемы Вашим умом и Вашей энергией, то ученые, заинтересованные в этом предприятии международной солидарности, могут быть спокойны. Это будет действительно сияющий и счастливый день, когда после изоляции и страданий последних лет мы сможем собраться вместе в Стокгольме, в стенах Вашего института²⁹, и сердечно пожать друг другу руки, забыв все то, что нас разделяло. Надеюсь, что мои 67 лет и мое здоровье, которое сильно ухудшилось за последнее время, не помешают мне разделить эту радость. Пока же я прошу Вас еще раз принять мои заверения в преданности и в том, что каждая публикация и каждая строчка, посланные Вами, доставят чрезвычайное удовольствие

А. Васильеву.

8⁴⁴

2 апреля 1921.

Высокочтимый коллега!

Уже давно я не испытывал такого удовольствия, которое Вы доставили мне присылкой 41-го тома «Acta» и Вашей речи на конгрессе 1916 года⁴⁵.

Вопрос о международных конгрессах чрезвычайно интересует меня. В английском «Nature» я прочитал короткую заметку о страсбургском конгрессе⁴⁶, и мне хотелось бы знать, что Вы теперь думаете об этом. Я полагаю, что, может быть, следовало бы собрать 5-й конгресс⁴⁷ в Стокгольме в 1922 (к столетию Эрмита) или в 1923 году (к столетию Кронекера). Тогда конгресс в Нью-Йорке в 1924 году мог бы стать для всех 6-м конгрессом.

Меня торопят, и я не могу написать Вам подробнее, поэтому я только еще раз сердечно благодарю Вас за присланное. Хочу также сообщить Вам, что Петербургская академия наук решила отпраздновать столетие со дня рождения П. Л. Чебышева (26 мая 1821 года) заседанием, на котором с речами, посвященными памяти нашего знаменитого геометра, должны выступить члены академии В. А. Стеклов⁴⁸ и А. А. Марков, а также я. Надеюсь, что Вы, наш старейшина, и скандинавские математики найдут пути, чтобы донести до математиков России свою симпатию — новое подтверждение солидарности, которая должна праздновать победу над предрассудками и страстями⁴⁹. Примите, высокочтимый коллега, глубочайшее мое уважение.

Преданный Вам

А. Васильев.

Есть время и место, чтобы написать Вам еще несколько слов. Надеюсь через пару месяцев выслать Вам первый выпуск «Очерка истории математики в России», публикуемого Петербургской академией наук. Вы, конечно, получили мою работу по истории теории чисел. Я еще не теряю надежды поработать в Вашем институте, чтобы ее углубить, улучшить и опубликовать в Швеции или еще где-нибудь.

Когда Вы опубликуете 38-й и 39-й тома «Acta», которые должны представлять большой интерес?

Заканчивая, еще раз выражая Вам свою признательность за то расположение, которым Вы оказывали мне честь на протяжении стольких лет.

А. В.

9⁵⁰

Москва. 22 февраля 1924.

Высокочтимый коллега!

Позвольте мне добавить несколько слов от себя к официальной бумаге и выразить большое удовольствие от Вашего письма, в котором Вы продемонстрировали Вашу симпатию к нашему предприятию⁵¹. Речь и на этот раз идет о международном мероприятии, и Вы, конечно, разделили бы со мной мои чувства, когда бы я прочитал Вам письма разъединенных мировойвойной геометров из разных стран, которые захотели присоединиться к нашему предприятию и войти в наш комитет. Думаю, высокочтимый коллега, в этом можно видеть хорошее предзнаменование для дела возобновления международных конгрессов, к которому Вы проявляете столь большой интерес. Некоторое время тому назад в письме к Бертрану Расселу, который должен отправиться в Америку, я предложил ему обсудить этот вопрос с американскими учеными. Этот вопрос мог бы быть решен на конгрессе Британской ассоциации, который собирается в августе этого года в Торонто⁵². Но, конечно, раньше Вы, старейшина математиков Европы, должны сказать свое влиятельное мнение.

Примите мои заверения в чувстве глубокого уважения.

Преданный Вам

А. Васильев.

Р. С. Думаю, что Вы уже получили книгу Привалова⁵³.10⁵⁴

**Математический институт
Московского университета**

**Редакционный комитет
собрания сочинений
Н. И. Лобачевского**

24 февраля 1924 г.

Глубокоуважаемый коллега!

Редакционный комитет по изданию собрания сочинений Лобачевского сообщает Вам, что Ваше любезное письмо получено, и выражает Вам сердечную благодарность за согласие войти в состав нашего комитета. Комитет не преминет сообщать Вам о дальнейшем ходе нашей работы и надеется, что и в будущем, если в этом будет необходимость, может рассчитывать на Ваше полезное сотрудничество.

С совершенным почтением

Председатель редакционного комитета, директор
Математического института, профессор

Д. Егоров

Член редакционного комитета, профессор

А. Васильев

Секретарь редакционного комитета, сотрудник
Математического института, профессор

В. Каган

Адрес секретаря редакционного комитета: Москва, Госиздат, Рождественка,
4. Отдел науки. Проф. В. Кагану.

11⁵⁵

Москва, Разгуляй, Денисовский, 13.

7 апреля 1924.

Высокочтимый коллега!

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо от 14 мая. Если бы Вы смогли поехать в Торонто, вопрос о возобновлении международных конгрессов был бы решён вполне удовлетворительно⁵².

Прошлые чувства мало-помалу меняются. Если господин Пикар⁵⁶ не ответил на нашу просьбу войти в комитет Лобачевского, если организационный комитет конгресса в Дельфте не включает ни одного француза⁵⁷, то все другие французские ученые, к которым мы обращались, ответили нам самым любезным образом, и, как пишет мне господин Кортеверг⁵⁸, господин Л. Марши произнесет в Дельфте речь⁵⁹.

На днях я написал господину Ольденбургу, непременному секретарю Санкт-Петербургской академии наук (непременный секретарь Российской академии наук С. Ф. Ольденбург⁶⁰), сообщив ему о Вашей просьбе⁶¹. Но может быть, Вы найдете нужным сами написать ему или вице-президенту академии В. А. Стеклову.

Все математики должны внести свой вклад в развитие Вашего института, который будет, несомненно, играть большую роль в развитии нашей науки. Перед войной и революцией я мечтал и даже имел твердое намерение отослать Вам все имеющиеся у меня книги на русском языке, написанные русскими учеными. Но благими намерениями вымощена дорога в ад. Вспыхнула революция, почти голод, и я был вынужден продать целиком всю свою библиотеку правительству. В противном случае она была бы реквизирована. Теперь она в Екатеринбурге. Ценные рукописи, копии лекций Кронекера лежат там без читателя.

Позвольте мне, пользуясь случаем, выразить удовольствие, которое я получил от чтения 39-го тома «Acta». Столько прекрасных воспоминаний моей жизни связано с 1879—1884 годами⁶². Я снова вспоминаю виденную мной в Париже у госпожи Ковалевской корректуру статьи Пуанкаре для первой тетради «Acta», принесенную им самим. Сколько изменений с тех пор! Вы знаете, конечно, что Максим Ковалевский, с которым я работал в Государственном совете, умер в 1916 году после того, как побывал в Австрии в качестве гражданского пленного⁶³. Но нужно заканчивать. Я прошу Вас напомнить обо мне госпоже Миттаг-Леффлер и принять мои заверения в совершеннейшем почтении.

Преданный Вам

А. Васильев.

Мой адрес: Разгуляй, Денисовский, 13, Москва.

Примечания

¹ Письмо хранится с двумя конвертами. На первом конверте написано: *Заказное. Великое Княжество Финляндское. Гельсингфорс, университет. Профессору Миттаг-Леффлеру. Professor i Matematik vid Universitat Mittag-Leffler. От А. Васильева. Старогорненская (?), д. Буслаевой. Штемпели (только казанские): Казань. 14 (не вполне отчетливо. — С. Д., Т. Т.) мар. 1880.* Васильев датирует свои письма по новому стилю. Российская почта пользуется старым. На обороте конверта надпись: *Получатель письма находится в Швейцарии, поэтому возвращается. Здесь же еще один штемпель: Казань 18 авг. 1880.* Действительно, до поздней осени 1880 г. Миттаг-Леффлер находился за границей (см. примеч. 2). Васильев вновь отправил письмо, вложив в него старый конверт. На втором конверте написано: *Гельсингфорс. Финляндия. Helsingfors. Professor vid Matematik. Universitat. Dr. Gosta Mittag-Leffler.* Два штемпеля: 1. Казань 3(?) нояб. 1880; 2. Санкт-Петербург (?). 10 нояб. 1880.

² После проходившего в начале 1880 г. в Санкт-Петербурге VI Съезда русских естествоиспытателей и врачей, в котором принимал участие и Миттаг-Леффлер, он отправился в Париж. Там Миттаг-Лефф-

флер заболел и обратился в Гельсингфорский университет с просьбой о предоставлении отпуска до осени. Весну и лето он провел в Италии, Швейцарии, Германии и Норвегии. 19 сентября приехал в Стокгольм (см. [7, с. 115]). Так что встреча Васильева и Миттаг-Леффлера вряд ли состоялась.

³ О каком очерке идет речь, установить не удалось. В это время Васильев изучал вопросы, связанные с теорией линейных дифференциальных уравнений 2-го порядка. Одним из итогов его исследований стала защита им в Казанском университете в 1880 г. магистерской диссертации «О функциях рациональных, аналогичных с функциями двояко-периодическими», в которой «он вплотную подошел к открытию автоморфных функций» [2, с. 509].

⁴ Речь идет о диссертации Г. Миттаг-Леффлера (*Mittag-Leffler G. Om skiljandet av rotterna till en synkretisk funktion av en variabel: Diss. /Uppsala Univ. arsskrift. 1872. Stockholm, 1872.*).

⁵ В 1880 г. в «Comptes Rendus» Парижской академии наук вышли следующие работы Миттаг-Леффлера: 1. *Sur les fonctions doublement périodiques de seconde espèce // C. r. Acad. Sci. Vol. 90. N 4. P. 177—180.* 2. *Sur la théorie des équations différentielles linéaires // Ibid. № 5. P. 218—221.* 3. *Sur les équations différentielles linéaires à coefficients doublement périodiques // Ibid. № 7. P. 299—300.* 4. *Sur les équations différentielles linéaires du second ordre // Ibid. Vol. 91. № 24. P. 978—980.*

⁶ К. Вейерштрас действительно был болен. Он тяжело перенес смерть своего друга, известного математика К. В. Борхардта. Летом он отдыхал в Рюдерсдорфе в семье покойного (см. [6, с. 115]).

⁷ С. В. Ковалевская уехала в Берлин лишь в конце октября 1880 г., а в начале 1881 г. вернулась в Петербург.

⁸ Речь идет о работе: *Weierstrass K. Einige auf die Theorie der analytischen Functionen mehrerer Veränderlichen sich beziehende Satze. Berlin, 1879.* См. также: *Weierstrass K. Mathematische Werke. Berlin, 1895. Bd. 2. S. 135—188.*

⁹ О какой работе идет речь, установить не удалось.

¹⁰ В 1880 г. по инициативе астронома М. А. Ковальского при Казанском университете была создана физико-математическая секция Общества естествоиспытателей, преобразованная в 1890 г. в Казанское физико-математическое общество, президентом которого стал Васильев.

¹¹ Найти эту работу не удалось.

¹² Статья Миттаг-Леффлера с таким названием в 80-е гг. не появлялась.

¹³ Конверт не сохранился. Письмо написано на официальном бланке Казанского физико-математического общества.

¹⁴ По инициативе Васильева по международной подписке был создан фонд имени Лобачевского, средства которого пошли на сооружение в Казани памятника великому геометру и на учреждение международной премии Лобачевского (см. предисловие к публикации).

¹⁵ Речь идет о журнале «Acta Mathematica».

¹⁶ С. В. Ковалевская умерла в 1891 г.

¹⁷ Г. Миттаг-Леффлер согласился войти в комитет (см. письмо № 3).

¹⁸ Письмо написано на почтовой открытке. Штемпели: 1. *Пароход «Пермь». Нижний. 4 июня 1893;* 2. *Пароход «Пермь». Нижний. 5 июня 1893;* 3. *Stockholm. 23 Juni 1893.* Адресат письма: *Professeur Mittag-Leffler. Recteur de l'Université Stockholm (Suede).* Чье-то рукой (очевидно, уже в Швеции) «Stockholm» зачеркнуто и написано «Djursholm». Дюрсхольм — тогда местечко в пригороде Стокгольма (теперь район Стокгольма), где Г. Миттаг-Леффлер построил свою виллу, в которой ныне находится Институт Миттаг-Леффлеров.

¹⁹ Письмо написано на именной почтовой бумаге; каждый лист стандартного формата 30 x 20 см сложен дважды; образовавшаяся таким образом «четвертшка» имеет напечатанную типографским способом «шапку»:

A.VASSILIEF

Professeur a l'Université

KASAN

Конверт именной; на оборотной стороне типографским способом напечатано:

A.VASSILIEF

KASAN

Штемпели: 1. *Казань. 27. 8. 1897* (ст. ст.); 2. *Казань. 28. 8. 1897* (ст. ст.); *Stockholm. 15. 9. 1897* (нов. ст.). Адресат писем: *Mr. Professeur Dr. G. Mittag-Leffler. Universite. Stockholm.* «Stockholm» зачеркнуто и написано «Djursholm».

²⁰ Очевидно, с I Международного конгресса математиков, который проходил в Цюрихе 9—11 августа 1897 г.

²¹ *Vasilev A. B. Роль профессора Вейерштраса в современном развитии математики // Ученые записки Казанского университета. Казань, 1886. № 4. С. 21—38.*

²² *Vasiliev A.V. Lobachevsky as algebraist and analyst // Bull. N. Y. Math. Soc. 1894. Vol. 3. P. 231—235.*

²³ Письмо написано на такой же именной почтовой бумаге и вложено в такой же именной конверт, как и предыдущее. Штемпели: российские — неразборчивы; *Stockholm. 10.1.1899; Djursholm. 10.1.1899.*

²⁴ Меран (Meran) — курортный городок в Тироле, принадлежавший тогда Австро-Венгрии. Ныне — город Мерано (Merano) в Италии.

²⁵ Изображение памятной медали приведено в [3, с. 114].

²⁶ См. письмо № 4.

²⁷ Письмо так же, как и два предыдущих, написано на именной почтовой бумаге, правда, «шапка» претерпела небольшие изменения:

А. VASSILIEF

professeur

«KASAN» зачеркнуто, вместо этого от руки написано «Petrograd». Конверт неименной. Письмо, очевидно, послано с оказией — через Эстонию; на конверте штемпель — *EESTI*, дата неразборчива. Неразборчив и штемпель Дьюрсхольма: *Djursholm* (числа не видно), *Juli 1920*.

²⁸ На V Международном конгрессе математиков, состоявшемся 22—28 августа 1912 г. в Кембридже (Великобритания), Г. Миттаг-Леффлер выступил с предложением провести следующий, VI Конгресс, в Стокгольме. Предложение было принято, но начавшаяся вскоре война опрокинула все планы (см. предисловие к публикации).

²⁹ 16 марта 1916 г. 70-летний Миттаг-Леффлер и его жена Сигне составили завещание, согласно которому все имущество, после их смерти должно перейти организации, которая получит название «Математический институт супругов Миттаг-Леффлеров». В том же 1916 г. Миттаг-Леффлер вынужден был продать часть земли в Дьюрсхольме. Свой дом он передал Шведской Королевской академии наук как здание математического института, который был официально открыт в 1919 г. и директором которого стал Миттаг-Леффлер (см. [7, с. 50-53]).

³⁰ С 11 мая по 16 июня 1920 г. Б. Рассел находился в России в составе делегации тред-юнионов и лейбористской партии Великобритании. Он посетил Москву, Петроград и Нижний Новгород. Его впечатления от поездки легли в основу книги: *Rassell B. Практика и теория большевизма*. М., 1991.

³¹ Приезд А. Эйнштейна не состоялся.

³² Если бы угодно было судьбе. *Лат.* (Вергилий. Энеида. I. 18).

³³ См. [5].

³⁴ Фрагмен (Phragmen) Ларе Эдвард (1863—1937) — шведский математик, основатель Шведского математического общества. В 1891—1903 гг. — профессор кафедры математики в Высшей школе в Стокгольме, ректором которой был Миттаг-Леффлер.

³⁵ Энестрём (Enestrom) Густав (1852—1923) — шведский библиограф и историк математики. Активно сотрудничал с журналом «Acta Mathematica». Основатель и издатель журнала «Bibliotheca mathematica».

³⁶ Письмо написано на такой же именной почтовой бумаге, что и предыдущее (и точно так же вместо зачеркнутого слова «KASAN» написано «Petrograd»). Оно переслано с ехавшим в Уппсалу известным ориенталистом академиком Ф. И. Шербатским. Конверт, на котором рукой Васильева написано: *M. G. Mittag-Leffler, Membre de l'Académie, Stockholm, Djursholm*, был вложен Шербатским в другой конверт с адресом: *Professor G. Mittag-Leffler, Stockholm, Sibyllegatan*, 9. На втором конверте сохранились штемпели Уппсалы с датой — 9. 2. 21.

Шербатский приложил к письму свою записку следующего содержания:

Уппсала. 8. II. 21
Odengatan, 16.

Уважаемый господин!

Имею честь переслать Вам письмо моего петроградского коллеги профессора А. Васильева, а также его недавно опубликованную книгу. Он поручил мне передать письмо Вам лично, но, так как во время моего проезда через Стокгольм Вас в городе не оказалось, я не сумел этого сделать. Если бы Вы ему ответили и отправили несколько свежих публикаций, я уверен, Вы доставили бы ему радость. Я могу взять на себя пересылку всего этого с помощью русской коммерческой делегации.

Примите, уважаемый господин, мои заверения в чувстве глубочайшего почтения.

Ф. Шербатский.

³⁷ Эти слова, судя по всему, были написаны позднее.

³⁸ Либо это письмо не сохранилось, либо Васильев путает, и речь идет о предыдущем письме, отправленном в середине июня через Эстонию.

³⁹ Шербатский Федор Ипполитович (1866—1942) — востоковед, индолог и тибетолог, член Российской академии наук.

⁴⁰ Знак вопроса поставлен А. В. Васильевым. Г. Кантор умер в 1918 г.

⁴¹ Р. Дедекинд умер в 1916 г.

⁴² Речь идет о книге Г. Вейля «Raum, Zeit, Materie», вышедшей в Берлине в 1918 г.

⁴³ Имеется в виду основанный в 1870 г. Г. Дарбу «Bulletin des Sciences mathématiques et astronomiques».

⁴⁴ Письмо написано на обычной (неименной) бумаге и переправлено с оказией. Сохранился эстонский штемпель (город, вероятно Таллин, пропечатан неразборчиво, дата — 31. V. 21).

45 Речь идет о докладе, с которым Г. Миттаг-Леффлер выступил на открытии IV Конгресса скандинавских математиков, проходившего в 1916 г. в Стокгольме (см.: *Mittag-Leffler G. Discours d'ouverture // C.r. IV Congr. Math. scand. Stockholm, 1916. Uppsala, 1920. P. 1—11.*

46 22—30 сентября 1920 г. в Страсбурге проходил конгресс математиков, на который не были приглашены немецкие ученые (см. предисловие к публикации). Васильев имеет в виду заметку: *The International Congress of Mathematicians // Nature. 1921. Vol. 106. № 2658. P. 196—197.*

47 А. В. Васильев путает: В Конгресс уже состоялся в Кембридже.

48 Стеклов В. А. Теория и практика в исследованиях Чебышева. Пг., 1921.

49 Ничего о реакции Миттаг-Леффлера и скандинавских математиков обнаружить не удалось.

50 Конверт не сохранился. Письмо написано на обыкновенной (неименной) бумаге и приложено к официальному письму, которое публикуется ниже (№ 10).

51 См.письмо № 10, а также предисловие к публикации.

52 Международный математический конгресс собрался 11—16 августа 1924 г. в Торонто.

53 Речь идет о диссертации И. И. Привалова «Интеграл Cauchy», опубликованной в сб.: *Известия университета. Саратов, 1918. Т. 11. № 1.*

54 Письмо напечатано на машинке на официальном бланке редакционного комитета по изданию собрания сочинений Н. И. Лобачевского. «Шапка» и адрес секретаря комитета напечатаны типографским способом — так же, как и текст письма, — по-немецки. Конверт не сохранился.

55 Письмо написано на обыкновенной (неименной) бумаге и отправлено почтой. На конверте написано: *Monsieur G. Mittag-Leffler, Membre de l'Académie des Sc. Stockholm. Djursholm. Envoi de Professeur A. Vassilief. Разгуляй, Денисовский, 13. Проф. Васильев. Штемпели плохо различимы.*

56 См. письма № 9 и 10. В этот период Э. Пикар выделялся среди французских математиков своей крайне шовинистической позицией.

57 Речь идет о подготовке I Международного конгресса по прикладной механике, который проходил в Дельфте 22—26 апреля 1924 г. Представители Франции, которых пригласили войти в состав организационного комитета, от участия в нем уклонились: Л. Лекорню, А. Меснажер и Д. Рябушинский ответили отказом, а П. Аппель и А. Робер даже не посчитали нужным ответить.

58 Кортевег (Korteweg) Дидерик (1848—1941) — голландский математик и механик.

59 Французский физик Л. Марши от участия в конгрессе уклонился. В итоге на этом представительном форуме (в нем участвовала и делегация из советской России, в состав которой входили Б. Г. Галеркин, А. И. Иоффе, А. Н. Крылов, Е. Л. Николай, А. А. Фридман) от Франции присутствовал лишь один делегат (см.: *Proceedings of the First International Congress for applied mechanics. Delft, 1926.*

60 Слова в скобках написаны по-русски.

61 Судя по письму С. Ф. Ольденбурга Миттаг-Леффлеру от 22 апреля 1924 г., хранящемуся в архиве Института Миттаг-Леффлеров среди писем А. В. Васильева, Миттаг-Леффлер просил выслать для библиотеки института два недостающих номера «Бюллетеня Петербургской академии наук». Васильев передал эту просьбу Ольденбургу, который в указанном письме сообщил: «У нас не сохранилось ни одного экземпляра первого из этих двух номеров (Bulletin. 3-me serie. T. 2. № 4. 1863). Что касается второго, то здесь очевидная ошибка, ибо в 1859 г. существовала ещё вторая серия “Бюллетеня”, т. 17».

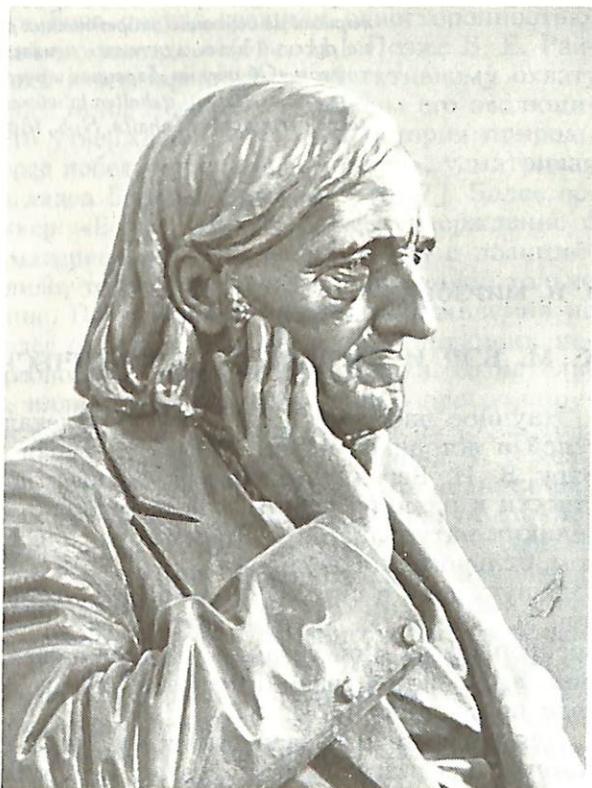
62 В 39-м томе «Acta Mathematica» были опубликованы статьи Миттаг-Леффлера «К. Вейерштрасс и С. Ковалевская» и «Первые сорок лет жизни К. Вейерштрасса», напомнившие Васильеву молодость, встречи с этими людьми.

63 Миттаг-Леффлер был хорошо знаком с М. М. Ковалевским, известным социологом и общественным деятелем, последней большой привязанностью С. В. Ковалевской. Оба они присутствовали на её похоронах.

Список литературы

1. Юшкевич А. П. История математики в России до 1917 года. М., 1968.
2. Лаптев Б. Л. Математика в Казанском университете. Казанское физико-математическое общество // История отечественной математики. Киев, 1967. Т. 2. С. 508—517.
3. Васильев А. В. Николай Иванович Лобачевский. М., 1992.
4. Васильев А. В. Пространство, время, движение. Пг., 1923.
5. Васильев А. В. Целое число. 1-е изд. Пг., 1919; 2-е изд. Пг., 1922.
6. Кочина П. Я. Гёста Миттаг-Леффлер. М., 1987.
7. Переписка С. В. Ковалевской с Г. Миттаг-Леффлером. М., 1984.
8. Празднование Казанским университетом столетней годовщины со дня рождения Н. И. Лобачевского. Казань, 1894.

К 200-летию со дня рождения Карла Эрнста фон Бэра

От редакции

17 (28) февраля 1792 г. родился Карл Эрнст фон Бэр — крупнейший естествоиспытатель XIX в., академик Санкт-Петербургской Императорской академии наук, член-основатель Императорского русского географического общества, первый председатель Императорского русского энтомологического общества, член Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина» и многих других европейских академий.

Бэр известен как один из основателей эмбриологии, географ, антрополог, натуралист в широком смысле слова, а также как предшественник Дарвина и автор всеохватывающей критики взглядов Дарвина. Значение Бэра для современности усматривается хотя бы из того факта, что за последние 130 лет в биологии можно различить две линии исследования: «линию» Дарвина и «линию» Бэра. И дарвинисты, и антидарвинисты всегда высоко ценили Бэра за его достижения, особенно в области сравнительной эмбриологии. Его собственная вера в мощь научного знания была незамутненной. Его кредо выражено словами: «Наука вечна в своем источнике, не ограничена в своей деятельности ни временем, ни пространством, неизмерима по своему объему, бесконечна по своей задаче, недостижима по своей цели».

Предлагаемые вниманию читателей работы посвящены различным аспектам научного творчества Бэра, анализу его мировоззрения и методологических взглядов, а также анализу теоретических поисков П. Г. Светлова, одному из ярких представителей «линии» Бэра в науке XX в.